

Глава 6

Хотя многомиллионные сбережения подошли к концу, на две тысячи жареных уток у дяди Вана деньги ещё оставались. Он объездил со своим молодым господином все лавки уездного города, закупив в общей сложности две тысячи тушек. Когда они собрались возвращаться, небо внезапно разверзлось. В самый разгар летнего зноя на землю обрушился крупный град. Ледяные шарики с гулким, тревожным стуком забарабанили по крыше фургона, заставляя сердца сжиматься от недоброго предчувствия.

Добравшись до дома, дядя Ван обнаружил, что ворота заперты. Ему пришлось выйти под ледяную бомбардировку. Град валил густо, но таял медленно; льдинки больно жалили кожу, хотя и не могли промочить одежду насквозь. Быстро распахнув створки, он вернулся за руль и загнал машину во двор.

Припарковавшись, мужчина снова выскочил наружу, чтобы закрыть ворота и занести в дом цветочные горшки, стоявшие в саду.

Ци Цзинъянь, видя, как суетится старый слуга, молча вышел на помощь. Он подхватил небольшие горшочки, и вдвоём они быстро закончили работу. Стоило им войти в дом, как раздался настойчивый телефонный звонок. Сюда могли звонить лишь двое: Фан Цюн, мать юноши, или Ци Цзинъюань.

Пока дядя Ван принимал вызов, Ци Цзинъянь поднялся к себе, чтобы принять душ. После поездки в душном городе и возни с землёй он весь промок от пота и испачкался; юноша любил, чтобы всё вокруг него и он сам сияли чистотой.

Когда Цзинъянь, освежившись, спустился вниз, дядя Ван уже хлопотал над ужином. Юноша послушно уселся перед телевизором в гостиной. С его волос всё ещё капала вода, несмотря на повязанное поверх головы полотенце с изображением мишки.

Все новостные каналы трубили об одном и том же: вирус, вспышки лихорадки, карантин. Дикторы перечисляли города с самым высоким уровнем заражения: мегаполисы В, S, G — места с огромным людским потоком. Город N в списках пока не значился, но это вовсе не означало, что заразы там нет — просто единичные случаи ещё не успели вызвать массовую панику.

Выйдя из кухни, дядя Ван принёс фен и принялся сушить волосы своего подопечного. Молодой господин не жаловал бытовую технику и очень медленно учился ею пользоваться.

Винить в этом стоило лишь прошлое воплощение Ци Цзинъяня, где электричества попросту не существовало.

Волосы юноши были иссиня-чёрными и тонкими; на ощупь они казались необычайно мягкими и шелковистыми. Дядя Ван быстро управился с ними. Отложив фен, он негромко произнёс:

— Молодой господин, звонил старший брат. В городе N официально об эпидемии ещё не объявили, но в больницах творится нечто невообразимое. Мертвецы в моргах начали оживать и выбираться наружу, а некоторые пациенты в бреду набрасываются на людей и кусают их... — Голос мужчины дрогнул, став тяжёлым от осознания беды. — Похоже, то, что предсказал ценок на пространственной ферме — и конец света, и зомби — всё это правда.

Оставалось лишь гадать, какая неведомая сила стояла за этой «игрой» и откуда ей было ведомо будущее.

Ци Цзинъянь слушал молча, не проронив ни слова.

Дядя Ван знал, что его господин не любит долгих раздумий и редко проявляет эмоции, но всё равно продолжал терпеливо разъяснять ситуацию:

— Старший молодой господин сказал, что приедет за нами завтра на рассвете. Просил никуда не выходить. Скоро и в нашей деревне могут начаться проблемы. Но здесь людей мало, так что даже если появятся эти монстры, их будет немного. В сельской местности сейчас безопаснее всего.

Цзинъянь вновь промолчал.

Таков был их привычный уклад: один обстоятельно анализировал, другой — безмолвно внимал. Вскоре они сели ужинать. Стол был накрыт на редкость богато. Дядя Ван понимал, что с приходом апокалипсиса деликатесы станут роскошью, а потому старался порадовать юношу, пока была такая возможность.

Впрочем, мысль о том, что они запаслись провизией на двадцать лет вперёд, грела сердце старика. Даже если мир рухнет, его маленький господин не будет знать нужды.

Ци Цзинъянь привык к строгому распорядку дня: ранний подъём, ранний отход ко сну. Тем более последние дни, проведённые в бесконечных разъездах по магазинам, изрядно его вымотали.

Закончив с едой, юноша устроился на диване в гостиной. Дождавшись, пока дядя Ван уберёт на кухне, он терпеливо сидел, пока тот не вынес таз для ног.

Так тянулись их дни — десять лет, неизменных, как само время.

Когда-то, в самом детстве, дядя Ван на руках переносил маленького Цзинъяня на диван после ужина. Теперь мальчик вырос и справлялся сам, но всё так же покорно ждал, когда старый слуга вымоет ему ноги.

Шестнадцатилетний подросток, почти не выходивший из дома и годами не видевший яркого

солнца, обладал фарфоровой, нежной кожей. Глядя на его бледные ступни, дядя Ван чувствовал странное умиротворение. Он помнил, как привёз пятилетнего кроху в эту глушь — тогда его ножки были совсем крошечными. Как же быстро летит время.

Закончив с процедурами, Ци Цзинъянь оставил дядю Вана предаваться воспоминаниям и поднялся к себе. Устроившись в постели, он по привычке включил телевизор, но вскоре почувствовал странную тяжесть. Голова закружилась, веки отяжелели. Выключив экран, он мгновенно провалился в глубокий сон.

Глубокой ночью Цзинъянь очнулся от вязкого марева. Тело горело, в горле пересохло от невыносимой жажды, а голова раскалывалась, словно охваченная яростным пламенем. Он дотянулся до чашки с чаем на прикроватной тумбе, сделал несколько судорожных глотков и снова рухнул в беспамятство, поглощённый жаром.

<http://bllate.org/book/15342/1411167>